УДК: 930.2:303.442.4(470+430)

Историческое понимание в философии истории Коллингвуда и Гадамера

В.В. Цацарин

Рассматриваются варианты решения проблемы исторического понимания в герменевтике X.-Г. Гадамера и философии истории Р. Дж. Коллингвуда. Показана сложность и многогранность предмета философии истории, благодаря чему е е проблематика не теряет актуальности на протяжении столетий. Принцип философского плюрализма делает полемику различных философско-исторических концепций актуальной, так как позволяет рассматривать их не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга.

Ключевые слова: философия истории, герменевтика, понимание, исторический метод, гипостазирование, экстраполяция.

In the paper the author deals with solutions of the problem of historical understanding in hermeneutics of H.-G. Gadamer and philosophy of history of R.J. Collingwood. The author shows the complexity and diversity of the philosophy of history, so it does not lose its relevance for centuries. The principle of pluralism of philosophical controversy makes various philosophical and historical concepts relevant, as it allows to treat them not as competing but as complementary.

Keywords: history of philosophy, hermeneutics, understanding, historical method, hypostasis, extrapolation.

Философия истории как особый раздел философии зародилась в XVIII веке. Однако и до нашего времени сохраняется скептическое отношение к ней со стороны как профессиональных историков, так и философов. Историки могут «обижаться» на философов, считая, что они «беспардонно» вмешиваются «во внутренние дела» совершенно независимой от них науки. Философы якобы не обладают арсеналом исторических методов и методик исследования, «историческим чутьем», поэтому склонны к неоправданным обобщениям и упрощениям. Такая точка зрения историков имеет оправдание. В истории философии, также как и в исторической науке, встречаются случаи неоправданного обобщения и упрощения философско-исторических построений, примером чего может служить философия истории Г. Гегеля или К. Маркса. Отметим, что любая система, теория имеет тяготение к упрощению действительности, ее определенной схематизации. К тому же, догматизация любой теории представляет собой явно негативную тенденцию в любой научной сфере, будь то: философия истории Г. Гегеля, или теория «невмешательства» философов во «внутренние дела» историков. Некоторые философы также являются противниками философии истории на том основании, что время «великих», глобальных философских построений миновало, неклассическая философия решает конкретные проблемы в конкретных сферах бытия. Однако философия истории не является однородной и представляет собой не только построения, охватывающие ход истории человечества в целом (желательно с прогнозом на будущее). В XX веке философия истории также решает конкретные проблемы, как осмысления прошлого, так и исторических исследований. А использование принципа философского плюрализма, когда различные философские подходы рассматриваются не как исключающие друг друга, а, по возможности, друг друга дополняющие, придает философско-историческим исследованиям особую актуальность. Целью данной статьи является анализ философско-исторических взглядов Р.Дж. Коллингвуда и Х.-Г. Гадамера, которые представляют различные подходы в философии истории, но являются не антагонистами, а, скорее, «дополняющими» друг друга.

Робин Джордж Коллингвуд (1889–1943) – британский философ неогетельянец и историк, специалист по древней истории Британии. Он был связан не только с философией истории, но и практически занимался историей и археологией. В «Автобиографии» Коллингвуд отмечает, что добиться сближения между философией и историей для него было делом всей жизни [1 с. 366].

Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) — немецкий философ, один из самых значительных мыслителей второй половины XX века, известен прежде всего как основатель философской герменевтики. Немало внимания он уделял проблемам философии истории, что, впрочем, неудивительно, так как еще В. Дильтей предложил перенести филологическую модель интерпретации текстов на исследование истории.

Коллингвуд развивал идею логики вопроса и ответа. По Коллингвуду, мы можем действительно понять текст лишь в том случае, если поняли вопрос, ответом на который он является. Поскольку, однако, этот вопрос может быть получен лишь из самого текста и, следовательно, релевантность ответа представляет собой методологическую предпосылку для реконструкции вопроса, постольку критика ответа, осуществляемая с какой-либо иной точки зрения, невозможна [1, с. 344].

Коллингвуд считал, что исторический метод требует, чтобы мы применили логику вопроса и ответа к историческому преданию. Мы поймем историческое событие лишь в том случае, если реконструируем вопрос, ответом на который и были в каждом данном случае исторические действия тех или иных лиц. Коллингвуд приводит в качестве примера Трафальгарскую битву и план Γ . Нельсона, который лежал в ее основе. Пример должен показать, что ход битвы делает понятным действительный план Нельсона именно потому, что он был в ней успешно выполнен. Наоборот, план его противника уже не может быть реконструирован из самих событий, причем как раз потому, что этот план провалился. Таким образом, понимание хода битвы и понимание того плана, который осуществил в ней Γ . Нельсон, совпадают [1, c. 362].

На это представитель герменевтики Х.-Г. Гадамер справедливо замечает, что в действительности нельзя закрывать глаза на то, что логика вопроса и ответа должна в подобном случае реконструировать два различных вопроса: вопрос о смысле отдельных эпизодов, случившихся в ходе какого-нибудь большого события, и вопрос о планомерности этого хода. Ясно, что оба вопроса совпадают лишь в том случае, если человеческие планы оказались в самом деле на уровне событий. Но такое случается далеко не всегда. Гадамер приводит в качестве примера описание военного совета перед битвой у Л.Н. Толстого, когда Кутузов не участвует в разработке плана битвы, а тихо дремлет. По Гадамеру, Кутузов ближе к подлинной действительности и к тем силам, которые е е определяют, чем стратеги на его военном совете. По мнению Гадамера, из этого примера следует сделать принципиальный вывод, что толкователю истории постоянно угрожает опасность гипостазирования исторического события или комплекса событий, – гипостазирования, при котором это событие оказывается чем-то таким, что якобы имели в виду уже сами реально действовавшие и планировавшие люди [2, с. 436—437].

В своей работе «Идея истории» Коллингвуд отмечает, что «наука о человеческой природе от Локка до настоящих дней не смогла решить проблему познания того, чем является познание» [1, с. 198]. Заметив, что новым элементом современной ему мысли является возвышение истории, он отмечает неразработанность концепции истории как «исследования одновременно критического и конструктивистского» [1, с. 199].

По Коллингвуду, история в подлинном смысле слова является историей «человеческих деяний», а не процессов, сходных с теми, которые изучает естествоиспытатель. Историк при исследовании процессов и событий прошлого выделяет в них внешнюю и внутреннюю стороны. Под внешней стороной Коллингвуд имеет в виду событие как явление, произошедшее в реальности, например, переход Цезарем реки Рубикон. Внутренняя сторона события представлена тем, что «может быть описано только с помощью категорий мысли: вызов, брошенный Цезарем законам республики…» [1, с. 203]. Историк всегда изучает не просто события, но действия — единство внешней и внутренней сторон события. Историк интересуется переходом Цезаря через Рубикон только для того, чтобы выяснить его отношение к законам Республики. Историк должен всегда помнить, что «событие было действием и что его главная задача — мысленное проникновение в это действие, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринял» [1, с. 203]. Это и отличает историка от естествоиспытателя. В природе такого разграничения между внешней и внутренней стороной события нет, так как в природе нет действий лиц, замысел которых необходимо исследовать.

Коллингвуд считал, что задача историка одновременно сложнее и проще задачи естествоиспытателя. С одной стороны, предмет историка «сложнее» предмета естествоиспытателя, ибо историк должен проникнуть в мысли тех, кто совершает исследуемые события. С другой стороны, историк «не обязан и не может (не переставая быть историком) подражать естествоиспытателю, занимаясь поиском причин и законов событий». По Коллингвуду, историку не нужно изучать причины события, так как, «если он знает, что произошло, то он уже знает, почему это произошло» [1, с. 204]. В отличие от природных процессов, имеющих «простой» характер, исторические события всегда «осложнены» тем, что являются отражением и выражением человеческих мыслей. Отсюда британский мыслитель делает вывод: «Вся история — история мысли» [1, с. 204].

Коллингвуд, таким образом, определяет предметом исторического знания: «то, что воспроизводится в сознании историка». Х.-Г. Гадамер называет учение о постижении опыта прошедшего ядром систематической теории исторического познания [2, с. 588]. По Коллингвуду, у предметов, отличных от мысли, «не может быть никакой истории» [1, с. 290]. Мыслитель отрицает историчность биографии, потому что она строится на природных основаниях: ее границами и этапами являются природные явления — рождение, детство, зрепость, старость, смерть. Также не является историей описание индивидуального опыта в дневниках или мемуарах [1, с. 290—291]. Данное положение представляется небесспорным. По Коллингвуду, неисторично в поведении человека то, что определяется его животной сущностью, «поэтому историк не интересуется фактом того, что человек ест, спит, любит и удовлетворяет тем самым свои естественные потребности; он интересуется социальными обычаями, которые он создает своей мыслью, как рамками, в пределах которых эти потребности находят свое удовлетворение способами, санкционированными условностями и моралью» [1, с. 206].

Встает вопрос: каким образом историк может проникнуть в ход мыслей тех, кто производил исторические деяния, то есть как историк понимает то, что он изучает. Коллингвуд отмечает, что одни формы деятельности являются, а другие не являются предметом исторического знания, и связывает это с наличием или отсутствием цели этой деятельности. Если действия были нецеленаправленными, то не может быть и их истории. Даже если действия осуществлялись в соответствии с целью, но мы ее не знаем, «мы не в состоянии воссоздать их историю» [1, с. 296]. Здесь можно отметить, что историк, возможно, не всегда правильно может понять цель действующих лиц истории, но изучению того или иного исторического события это не всегда мешает. Так, неясно, было ли целью арабов распространение ислама на как можно большей территории или же они проводили свои походы с целью захвата новых земель для обогащения, а исламизация местного населения — это «побочный продукт», но изучать такое историческое явление, как завоевательные походы арабов, историки могут и делают это. Вообще, как отмечает Гадамер, герменевтическое положение о том, что интерпретатор должен понимать автора (в данном случае автора исторического действия) так или даже лучше, чем он сам себя понимает, является спорным. В целом же, характеризуя Коллингвуда, Гадамер отмечает, что от него ускользнули «масштабы герменевтического опосредования, через которое проходит всякое понимание [2, с. 590].

По справедливому замечанию Гадамера, мы воспринимаем ход вещей как нечто такое, что постоянно меняет наши планы и ожидания. Лишь в редкие мгновения у нас все получается будто «само собой» и события словно сами идут навстречу нашим планам и желаниям. Тогда мы можем, конечно, сказать, что все идет по плану. Однако распространять это на историю в целом — значит совершать насильственную экстраполяцию, которой решительно противоречит наш исторический опыт.

Именно эта экстраполяция делает двусмысленным использование логики вопроса и ответа Коллингвуда применительно к герменевтической теории [2, с. 437]. Понимание письменного предания Гадамером строится вовсе не так, чтобы можно было сделать простую предпосылку о совпадении того смысла, который мы в нем познаем, и того, который имел в виду автор. Гадамер неоднократно подчеркивает, что подобно тому, как исторические события вообще не совпадают с субъективными представлениями тех, кто находится и действует в истории, точно так же и смысловые тенденции данного текста выходят в принципе далеко

за пределы того, что намеревался сказать автор этого текста. Задача же понимания направлена в первую очередь на смысл самого текста [2, с. 231, 351]. Гадамер считает, что вопрос, о реконструкции которого идет речь, относится в первую очередь не к мыслям и переживаниям автора, но исключительно к смыслу самого текста. А после реконструкции вопроса, на который отвечает текст, возможно обращение и к самому спрашивающему, к тому, что он имел в виду, и на что, может быть, текст является лишь мнимым ответом. Гадамер не согласен с тезисом Коллингвуда о бессмысленности различения между тем вопросом, на который текст должен был ответить, и тем, на который он действительно отвечает. Согласен же он с тем положением Коллингвуда, в котором тот утверждает, что понимание текста обычно не включает подобного различения, ибо это понимание направлено, прежде всего, на то, о чем говорится в тексте. Реконструкция того, что думал автор текста, есть уже совсем иная задача. По Гадамеру, недостаток историзма заключается в редукции понимания смысла текста к реконструкции намерений автора [2, с. 438]. Гадамер выступает против этого. Он полагает, что вначале стоит вопрос, с которым текст обращается к нам, стоит наша затронутость словом предания, так что понимание этого последнего изначально включает в себя задачу исторического самоопределения современности преданием. Содержание предания само задает нам вопрос. Чтобы ответить на этот вопрос, мы, вопрошаемые, должны сами начать спрашивать. Мы стремимся реконструировать вопрос, на который данное содержание предания было ответом. Однако мы не в состоянии этого сделать, если, спрашивая, не выйдем за пределы намеченного при этом исторического горизонта. Реконструкция вопроса, на который текст должен быть ответом, сама осуществляется в рамках спрашивания, путем которого мы ищем ответ на вопрос, поставленный нам преданием [2, с. 439]. Гадамер утверждает, что понимание всегда есть нечто большее, чем простое воспроизведение чужого мнения. Понимание раскрывает смысловые возможности; а то, что осмысленно, превращается при этом в наше собственное разумение [2, с. 441].

Таким образом, в качестве одной из заслуг Коллингвуда можно отметить его вклад в философию истории: противопоставление позитивистскому подходу в понимании истории нового подхода, который делает акцент на несовпадении методов исследования природы и истории. Стремление унифицировать методы исследования естественных и гуманитарных наук, то есть перенесение на последние методов изучения природы, не всегда приносило пользу так называемым наукам о духе. Гадамер в какой-то мере развил идеи, которые выдвигал Коллингвуд о проникновении в ход мыслей исторических деятелей. Но у него было преимущество – развитые герменевтические традиции реконструкции смысла текстов, поэтому он продвинулся намного дальше в решении философско-исторических проблем.

Литература

- 1. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. М. : Изд-во «Наука», 1980. 486 с.
- 2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. М.: «Прогресс», 1998. 700 с.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 25.05.2013